

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ 20—40-е годы XX в.

Людмила Федоровна ГОВЕРДОВСКАЯ,
кандидат исторических наук

Проблема образования для русской эмиграции в 20—30-х годах имела жизненно важное значение. За рубежом оказались тысячи молодых людей с неоконченным высшим образованием, а немало было и таких, кто нуждался в получении элементарного образования в объеме начальной и средней школы. Для решения этой задачи было два пути: пойти учиться в иностранные учебные заведения Китая или самим открывать подобные и организовывать в них процесс обучения на русском языке. На практике использовались обе формы.

В открытии и проведении учебных занятий в русских учебных заведениях было немало трудностей: в условиях эмиграции не доставало материальных средств, учебных пособий. Эмигранты, обязанные подчиняться указаниям местных властей, находились в полной зависимости от взглядов и настроений на русскую эмиграцию правящих кругов Китая.

При этом важно отметить, что история развития школьного образования в Китае тесно связана с КВЖД, на которой трудились многие родители будущих учеников. Строительство и эксплуатация КВЖД, ее заселение русскими людьми обеспечили стабильное экономическое развитие Северо-Восточного Китая. То же самое можно сказать о Харбине, история которого феноменальна. Основанный в 1898 г. город к 1917 г. превратился в многонаселенный и многонациональный центр Северной Маньчжурии. Здесь появилось большое число фабрик, заводов, мельниц, торговых предприятий и фирм, владельцами которых были русские. Вскоре остро встал вопрос об организации учёбы русских детей. Жизнь постепенно сформировала стройную систему начального и среднего образования. И харбинские, и линейные (населенные пункты на КВЖД) гимназии ежегодно принимали на учёбу и выпускали сотни воспитанников. Школы были разными, но все давали прочные знания, высокую культуру и воспитывали детей в религиозно-нравственном духе.

Так как в Китае расселилась основная масса русских эмигрантов, то постановка образования для них имела особое значение. В этом отношении самой благоприятной стала территория трех восточных провинций Северной Маньчжурии, по которой проходила КВЖД. На узкой полосе дороги с культурным центром в Харбине до 1925 г. сохранялась еще дореволюционная русская школа. Здесь встретилась общественность трёх различных направлений и толков. Школа не могла не отражать их чаяний и надежд. В результате в Харбине со-

средоточилось большое число бежавших из России учителей, преподавателей, научных работников. В городе открывались различного рода учебные заведения, к примеру, техникум, строительные курсы, рукодельная школа пошивочной мастерской и т.д.

Особенно активно пошёл процесс обучения после окончания гражданской войны в России. За короткое время в Китае, в частности в Харбине, открылось до 30 заведений: гимназии, реальные училища, высшие и начальные школы, институты, университеты. Все русские дети ходили в школу, для малышей открыли ясли и детские сады. В 20-е годы были открыты и успешно функционировали 1-е Харбинское смешанное реальное училище, директором которого был профессор А.И. Андогский (Таможенная, 15); 2-е Харбинское Смешанное реальное училище (Большой пр., 77, директор Н.А. Вьюнов). В 1923 г. начались занятия в реальном училище и Вечерней гимназии на ул. Гиринской, 53. 1-е Харбинское общественное коммерческое училище (директор А.В. Барташев) располагалось на ул. Коммерческой, 3; мужское и женское Коммерческие училища открыты 26 февраля 1906 г. по адресу Большой пр., 66 (директор Н.В. Устрялов); основанное в 1916 г. и получившее в 1919 г. название Первое реальное училище в Новом городе в Харбине закрылось в 1940 г.

В 1903 г. начала работу 1-я женская гимназия М.С. Гинерозовой (Биржевая 10/191), которая слилась в 1935 г. с Пушкинской гимназией на Пристани, получив название Объединённой гимназии. Директором ее долгие годы был опытнейший педагог В.Р. Осипов. Успешно шли занятия в 1-м Объединённом среднем учебном заведении М.А. Оксаковской (Хорватский пр., 9). Это была классическая женская гимназия, основанная ещё в 1906 г. Работали Мужское реальное училище с гимназическим отделением (директор С.Г. Ильинский) и Вечерняя женская гимназия. При гимназии были детский сад с практикой английского языка и летняя подготовительная школа.

Гимназия, начавшая учебные занятия в 1905 г., на следующий год была переименована в Первую железнодорожную гимназию КВЖД (бывшая имени ген.-лейт. Хорвата), расположенную в Модягоу (Хорватский пр., 15/105), в 20-х гг. она вела обучение по программе средних школ СССР (директор Н.Г. Кожевников).

В 1910 г. открылись 1-я смешанная гимназия В.Л. Андерса (Аптекарьская, 16) и 14 сентября 1911 г. — Вторая смешанная мужская гимназия Я.А. Дризуля (Большой пр., 103). Новая смешанная гимназия (Большой пр., 105, директор В.Д. Беляев) содержалась обществом педагогов и родителей. Смешанной гимназией им. М.В. Ломоносова (Цицикарская, 3) руководил С.И. Бруевич. Особое внимание уделялось теоретическому изучению и практическому использованию иностранных языков: английского, немецкого и французского. В основу учебного процесса была положена программа русских правительственных гимназий, действовавших до 1917 г. В 20-х гг. особой популярностью пользовалась у населения гимназия им. А.С. Пушкина — одно отделение было расположено в Модягоу (Брусиловская, 25, директор профессор Н.П. Покровский), другое — на Пристани. В 1937 г. согласно новой школьной реформе в Маньчжоу-Го эти учебные заведения были закрыты. Только один год продержалась одна из популярных гимназий им. Ф.М. Достоевского, открытая в 1926 г. в Новом городе. В ней ежегодно 8 октября торжественно отмечался День памяти Святого Сергея Радонежского — небесного покровителя гимназий. Гимназия Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), директор профессор Н.И. Никифоров (Садовая, 62), работала с 1925 по 1945 г.

Не только в Харбине, но и в других местах Китая продолжали действовать гимназии, школы при институтах и различного рода приютах, духовных семинариях: лицей Св. Николая, Конвенты Урсулинок и Францисканок, национальные школы: польская смешанная гимназия имени Генриха Сенкевича (директор К.В. Гроховский, Большой пр., 106); английская British Privat School и детский сад (Почтовая, 92); Духовное Еврейское училище «Талмуд-Тора» (зав. раввин Левин, Конная, 8), смешанная татарская школа «Мектеб Иният» (зав. Абдулгизов, Артиллеристская, 8) и др., в которых нередко учились и русские дети¹.

Родители выбирали своим детям школы по месту проживания и материальным возможностям. Учёба была платной. Учителя старались развивать у детей любовь к Родине, русской культуре и истории. Следует отметить, что, несмотря на материальные трудности, педагогам предоставлялась возможность совершать заграничные образовательные экскурсии в разные города Китая и Японии.

Огромным авторитетом среди молодёжи пользовался бывший генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти, почётный гость праздников и конференций. Так, летом 1929 г. в «День русской культуры» молодёжь не забыла пригласить его на торжество. Как в годы своего губернаторства, так и в эмиграции Гондатти заботился о школе. В Харбине он входил в правление двух гимназий, неизменно участвовал в обсуждении проблем развития школьного и вузовского образования².

В совершенно чужой им расовой, социальной, нравственной и религиозной среде русские эмигранты стремились обучать детей по-русски, сберечь свой язык и культуру, сохранить в себе любовь к России, а главное — передать это новому поколению.

В Маньчжурии открывалось много школ, материально зависевших от субсидий КВЖД, но после Мукденского соглашения 1924 г. они перешли в ведение советской администрации дороги. Сразу же в них была принята атеистическая марксистская программа, что оказалось неприемлемо для православных русских людей. В противовес этому русская общественность сумела создать ряд православных национальных учебных заведений. По далеко не полному списку их значилось до 30³. Для русских людей этот период деловой и созидательной культурно-просветительной деятельности длился десять лет с начала совместного управления и эксплуатации КВЖД советским и китайским правительствами на паритетных началах.

Харбин — город русского просвещения и культуры в Китае, где переплетались Восток и Запад. В 20—30-е гг. из Европы и Америки сюда приезжали известные педагоги, учёные, лекторы, а также певцы и музыканты.

Значительные преподавательские и научные силы были сосредоточены в крупнейшей русской колонии Китая — Шанхае. После оккупации японцами Маньчжурии и Харбина в 1931 г. в Шанхай хлынул поток беженцев, и количество школ, училищ и вузов в русской колонии возросло. В начале 30-х гг. в Шанхае работали Женская гимназия и несколько церковно-приходских школ. Большая часть русских детей в Шанхае обучалась в Русской гимназии, остальные — в иностранных школах. При этом только в Русской гимназии в качестве иностранных языков преподавались китайский и английский. Следует подчеркнуть, что в отличие от Харбина и других городов и посёлков Маньчжурии, где русские жили монолитно, они были мало подвержены влиянию извне. В многорасовом, многонациональном Шанхае иностранное влияние было более сильным и интенсивно проникало в русскую колонию⁴.

Японская оккупация Маньчжурии в 1931 г. отразилась на системе образования, которая подверглась последовательной японизации. С марта 1932 г. в Маньчжоу-Го стали прибывать японские методисты и другие специалисты в области образования, готовились новые учебники и учебные пособия, построенные на морально-этических принципах конфуцианства. Японская печать не скрывала, что в Маньчжоу-Го вводится новая система образования⁵. Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, чтобы в сложных ситуациях японской оккупации найти те формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

Особенность русского образования в Китае состояла в том, что практически во всех учебных заведениях помимо европейских языков преподавали китайский, японский и даже маньчжурский. Обязательно читался курс востоковедения и развития торговли стран Востока. Естественно, наиболее глубокая востоковедческая подготовка была в вузах КВЖД. Различные государственные и частные компании и банки остро нуждались в выпускниках со знанием китайского и японского языков. Знание китайского стало ещё более необходимым, когда дорога перешла в совместное советско-китайское управление.

Нельзя обойти вниманием учебные заведения, сыгравшие большую роль в деловой, коммерческой и культурной жизни Харбина, — это техникумы, профессиональные курсы, школы, где преподавались прикладные знания, обучали ручному труду. Необходимые профессии мог получить каждый желающий, потому что, даже имея высшее образование, надо было дополнительно освоить еще две—три профессии, чтобы не остаться безработным. Эти курсы дали Китаю техников, мастеров разных профилей, медицинских работников, переводчиков, секретарей, служащих пошивочных мастерских, салонов красоты, словом, людей разных профессий и ремёсел.

В 1921 г. «Дальневосточной лигой свободы и прав человека» были организованы курсы английского, немецкого и французского языков, бухгалтерские, а также кройки и шитья. Успешно работали две музыкальные школы, популярностью пользовался питомник, заложенный русскими специалистами КВЖД, где выращивали растения для озеленения города. В налаживании учебного процесса принимали участие отдельные русские граждане, учреждения, общества. Так, наследница русских частноторговцев Батцева на свои средства содержала гимназистов г. Тяньцзиня. В г. Кульдже в русской гимназии вместе с русскими детьми учились дети дунганского и уйгурского населения. Большую помощь учебным заведениям оказывали Российское общество «Красного Креста» и «Мариинская община сестер милосердия», воспитавшие многочисленные кадры младшего медицинского персонала, впоследствии готовившие квалифицированных фельдшеров. Особой популярностью пользовались фармацевтические курсы, 1-я и 2-я харбинские зубоврачебные школы, выпустившие сотни специалистов. Имена многих из них были широко известны, к ним за помощью обращались не только их соотечественники, но и местное китайское население.

Многие из выпускников желали продолжить своё образование, но для этого нужно было ехать в Россию или за границу, а семейный бюджет не всегда мог выдержать такие расходы. Тем не менее в 20-е гг. в Москве, Казани, Томске, Владивостоке возникли крупные студенческие общества. Своего высшего учебного заведения даже в Харбине по-прежнему не было, хотя этот вопрос дебатировался еще в 1915 г. Эта проблема задолго до революции была характерна и для Восточной Сибири, и для Дальнего Востока. Общественность широко обсуждала вопросы высшего образования в этих обширных регионах. Говорили об от-

крытии здесь второго в Сибири университета (первый успешно действовал в Томске) в Иркутске или во Владивостоке. В результате оба эти города стали вскоре университетскими центрами. Необходимо отметить, что в 20-х гг. было более свободное общение, в том числе и поездки учащихся, студентов и преподавателей из Китая в СССР и, наоборот, с целью обмена опытом, чтения лекций и просто на каникулы. Так, президиум Дальревкома, заслушав 18 декабря 1923 г. вопрос «О выдаче бесплатных виз на поездку в полосу отчуждения КВЖД учащихся советских учебных заведений, едущих на каникулы», разрешил отделу управления ДРК в Чите и губотделам управления в Благовещенске и во Владивостоке выдавать коллективные бесплатные визы (два раза в год). В тот же день управление ДРК выдало такие визы и загранпаспорта 16 ученикам Читинской профессиональной технической школы, выезжавшим на станцию Маньчжурия, и 12 студентам политехникума⁶.

Большую культурно-просветительную роль в жизни русской эмиграции сыграло «Русское студенческое христианское движение» (РСХД), основанное в 1922 г. на конференции Всемирной христианской студенческой федерации в Пекине. Русские участники этого форума Л.А. Зандер, Л.Н. Липеровский, В. Крылатов и А.И. Никитин вскоре переехали в Европу, где играли заметную роль в жизни РСХД⁷. В этот период открылись новые вузы: Русско-китайский политехнический институт (Правленская, 43), ректор — инженер Л.А. Устругов, декан дорожно-строительного факультета — инженер П.Ф. Козловский, декан электро-механического факультета — профессор С.Н. Петров. Преподавали—профессора: С.Н. Петров, Н.М. Обухов, Е.Ю. Пистолькорс, Н.Н. Трифонов и П.Ф. Федоровский*.

Вторым по значимостим был Юридический факультет (Большой пр., 66), декан — профессор В.А. Рязановский, преподавали—профессора Г.К. Гинс, М.Н. Ершов, В.В. Ламанский, Н.И. Морозов, Н.И. Никифоров, В.А. Овчинников, В.И. Сурин, Г.Г. Тельберг, Н.В. Устрялов, Е.М. Чепурковский, В.В. Энгельфельд. Заведующий отделением Дальневосточного банка во Владивостоке с 1916 по 1922 г. В.Я. Исаакович, преподававший в Дальневосточном университете, в 1922 г. переехал в Харбин. С 1925 по 1937 г. читал лекции о банковском деле и денежной системе Китая, являясь управляющим фирмой «Наследники Л.Ш. Скидельского» с 1923 г. Надо сказать, что половина профессоров перед эмиграцией преподавала во Владивостоке: М.Н. Ершов (1918—1922), А.А. Камков (1921—1923), Н.И. Морозов (1919—1921), Н.И. Никифоров (1921), В.А. Рязановский (1920—1921), Е.М. Чепурковский (1923). Все они сделали многое для внедрения гражданского права в жизнь, так как китайцы не имели даже представления о нём. Преподаватели выпускали «Вестник» Юридического факультета, печатали научные работы.

Педагогический институт (Большой пр., 15) имел два отделения: словесно-исторический и математический (ректор профессор С.В. Кузнецов). На словесно-историческом отделении работали профессора В.Л. Андерс, Г.К. Гинс, М.Н. Ершов, Н.И. Никифоров, В.А. Овчинников, Г.Г. Тельберг, В.В. Энгельфельд, на математическом — профессор Ф.Н. Индриксон.

Институт ориентальных и коммерческих наук (Большой пр., 77), был открыт в 1925 г., закрыт в 1941 г.), имел два факультета: ориентальный и ком-

* Русско-китайский политехнический колледж открыт 18.04.1920 г., в 1922 г. переименован в Русско-китайский политехнический институт. В 1928 г. получил название Харбинский политехнический институт, в 1935 г. был прекращен прием на учебу, в 1938 г. состоялся последний выпуск 76 инженеров. Заново открыт в ноябре 1945 г. советскими властями, работал до 1957 г., затем передан КНР. В 2000 г. отметил свое 80-летие.

мерческий. Директором был В.Д. Маракулин, преподаватели — профессора М.П. Головачёв, А.И. Андогский, И.И. Гогвадзе, В.Г. Павловский, А.П. Хионин.

Коммерческим институтом руководил директор Г.К. Риттер (Садовая, 62).

Институт св. Владимира был открыт в 1934 г. на основе Высших богословских курсов. Богословским факультетом руководил архиепископ Мелетий, с 1934 г. институт возглавил профессор М.П. Головачёв, в 1935 г. он был арестован и выслан в Шанхай. В 1938—1939 гг. японские власти вывели политехнический и восточно-экономический факультеты из состава Института св. Владимира и на их основе открыли Североманьчжурский университет, состоявший из политехнического и коммерческого факультетов. Университет прекратил существование в 1945 г. с окончанием войны СССР с Японией.

Большой популярностью пользовались публичные лекции народного университета ХСМЛ в Харбине, которые читали русские студенты, преподаватели и писатели для своих соотечественников. С января по апрель 1925 г. было прочитано 11 лекций в Новом городе и на Пристанях, где присутствовали 564 слушателя. Наиболее посещаемыми были лекции писателя С.Г. Петрова (Скиталец) — «О Максиме Горьком», «О Леониде Андрееве»⁸ и др. Большинство слушателей — русская интеллигенция и учащаяся молодёжь. Так как потребность в лекциях ощущалась постоянно, правление народного университета ХСМЛ планировало открыть ещё третью аудиторию в Модягоу⁹.

Связующим звеном между русскими учебными заведениями — университетами и институтами в Харбине — стало Русское студенческое общество. Большинство его членов — студенты, начавшие учебу еще в России. Пройдя с оружием всю Сибирь и Дальний Восток и оказавшись в Китае, они уже в возрасте 30—35 лет поступили вновь в высшие учебные заведения, чтобы получить специальность. В 1925 г. открылась Харбинская высшая медицинская школа с 5-летним курсом обучения (директор Е.А. Петников).

Разные направления школ и вузов Харбина представляли своеобразную опытно-показательную лабораторию. Организованный Управлением КВЖД при деятельном участии Союза учителей Комитет образовательных учреждений КВЖД стал представительным органом общественности и педагогов для совместного разрешения вопросов общего и принципиального характера в школьном и вузовском строительстве. С его помощью и под непосредственным руководством в торжественной обстановке проводились ежегодные выпускные экзамены русских учащихся. Так, 23 мая 1925 г. они прошли в высшем Реальном училище на ст. Маньчжурия, которое окончили 30 чел. Заведующий училищем В.С. Фролов, обращаясь к выпускникам, призвал их неустанно трудиться и приобретать новые знания, которые будут нужны России. «Любите Россию, стремитесь в Россию и работайте на пользу России!» — такими словами закончил он свою речь. Во время празднования учащиеся прочитали более 60 рефератов по географии, истории и физике. Затем для выпускников на площади был отслужен молебен и проведены спортивные состязания. Эти торжества надолго запомнились всем присутствующим¹⁰.

Подобная картина наблюдалась и во время выпуска в других учебных заведениях. Так, о высоких требованиях к мастерству, бережном отношении к духовному богатству русского народа — музыке — говорилось в выступлениях педагогов на общегородском вечере выпускников харбинских музыкальных училищ. «Мы не стремимся, — отмечала одна из преподавательниц, — сделать из наших учеников необыкновенных виртуозов, поражающих слух и внимание головокружительными трюками на музыкальных инструментах... Облагородить душу... хотя бы немного (...отвлечь) от тяжелой, подчас безрадостной жизни —

такова наша задача». В конце речи, обратившись к ученикам, она сказала: «Берегите школу! Мы ее создали! Рука об руку с вашими преподавателями идите к намеченной цели, чтобы в будущем мы радостно могли приветствовать вас: Да, вы не обманули наших надежд! Все наши лишения ничто перед той громадной пользой, что вы принесете нашей Родине!»¹¹

Содержательной и плодотворной была педагогическая и научно-исследовательская деятельность русской эмиграции в Китае. Особенно большой вклад в этом направлении внес профессорско-преподавательский коллектив Института ориентальных и коммерческих наук с 4-х летним курсом обучения, созданный в Харбине в 1925 г. Институт просуществовал до 5 января 1941 г. В 1968 г. обстоятельную историю института написал его основатель профессор А.П. Хионин. Интересные сведения о 30 наиболее крупных переводчиках, профессорах и преподавателях (японоведах, востоковедах и китаеведах), читавших курсы китайского языка и историю культуры Китая в ИОКИ, приводятся В.С. Макаровым в статье «Русские дальневосточные синологи». Особенно подробно раскрываются биографические и творческие данные об А.П. Хионине, И.С. Баранове, П.В. Шкуркине, Г.Г. Авенариусе и др.

Высокую оценку заслуживает деятельность созданного в этом же городе Общества русских ориенталистов, членами которого было издано 55 томов «Вестника Азии». Только перечень опубликованных работ показывает огромный объем, выполненный ими. Особенно важными и полезными были «Русско-китайский» и «Китайско-русский» словари, составленные А.П. Хиониным. Из востоковедов в первую очередь следует выделить Г.Н. Гомбоева, который в совершенстве владел маньчжурским, монгольским и шестью диалектами китайского языка.

Желание создать в Харбине научное общество по изучению Маньчжурского края возникло среди русских с первых лет их появления здесь. В 1922 г. инициативная группа, состоявшая из Э.Э. Энерта, А.М. Баранова, Я.Р. Кобалкина, А.С. Мешерского, П.А. Павлова, А.И. Погребецкого, А.А. Рачковского и Б.В. Скворцова, благодаря поддержке управляющего КВЖД Б.В. Остроумова смогла создать научное объединение краеведческого характера — «Общество изучения Маньчжурского края» (ОИМК), действовавшее на основании Устава, утвержденного 2 сентября 1922 г. Ко времени закрытия в 1928 г. общество имело музей, библиотеку, книгообменный фонд, опытное сельскохозяйственное поле, опытный ботанический участок и речную биологическую станцию.

Музей был основан в конце 1923 г., возглавил его Б.П. Яковлев. К 1928 г. музей имел более 62 000 экспонатов, расположенных в отделах: геологическом, зоологическом, ботаническом, сельскохозяйственном, торгово-промышленном, археологическом и историко-этнографическом. ОИМК пополняло коллекции за счет командировок в различные районы Маньчжурии для проведения полевых исследований, а также покупок новых экспонатов. Значительная часть их поступала в качестве пожертвований от частных лиц или передавалась во временное пользование.

Отдел местной печати и архив были созданы М.С. Тюниным, который за четыре года сумел собрать 13 250 экземпляров книг, журналов, брошюр и газет, отпечатанных в Северной Маньчжурии. Издательство ОИМК являлось одной из важнейших частей в его организации. За 6 лет ОИМК осуществило 10 выпусков «Известий ОИМК», 9 выпусков «Трудов ОИМК», 12 работ по экономике Маньчжурии, 33 научно-популярные работы по краеведению, 16 бюллетеней и 7 изданий разной тематики¹². В этих изданиях нашли место более 200 работ

членов ОИМК, кроме этого, многие научные труды сотрудников ОИМК были напечатаны в «Вестнике Маньчжурии» и других журналах. За время своего существования ОИМК отправило 12 700 экземпляров и получило в обмен 7850 томов. Общество постоянно обменивалось книгами с академиями наук, университетами, центральными научными учреждениями и краеведческими организациями СССР, Америки, Англии, Китая, Японии, Польши, Германии, Чехословакии и др.

В 1924 г. Обществом изучения Маньчжурского края и Маньчжурским сельскохозяйственным обществом был заложен Североманьчжурский ботанический сад. Руководство в лице заведующего садом Н.В. Глухова и секретаря И.В. Козлова добивалось «...по возможности представить все растущие в этом крае дикие и культурные растения, чтобы непосредственно наблюдать и изучать жизнь и развитие местной растительности в научном и практическом отношении». Кроме того, ботанический сад и созданная при нём пасека сельскохозяйственного общества были открыты для посетителей¹³.

На опытном сельскохозяйственном поле, перешедшем в ведение ОИМК в результате слияния Маньжурского сельскохозяйственного общества (МСХО) с ОИМК, изучались и улучшались растения. Здесь работал известный селекционер В.В. Крушуль. На ботаническом участке в течение нескольких лет агрономом-почвоведом Т.П. Гордеевым была создана своя система.

В задачи Сунгарийской речной биологической станции входило изучение жизни р. Сунгари. За два с небольшим года биологическая станция проделала большую работу и издала шесть выпусков своих трудов, посвященных гидробиологии и микрофлоре озёр и других пресных вод, а также изучению режима р. Сунгари.

В Общество изучения Маньчжурского края входило более 800 чел., они вели работу по секциям, которых к моменту закрытия было 13 — «Археология», «Ботаника и Зоология», «Геология и Физическая География», «История и Этнография» «Культурное развитие края», «Краевое Коневодство», «Медицина, Ветеринария и Санитария», «Ориенталисты», «Право», «Сельскохозяйственная», «Торгово-промышленная», «Фотографическая» и «Языковедения». За шесть лет по секциям было проведено 385 собраний и прочитано 508 докладов и сообщений. С целью более детального ознакомления было совершено 190 поездок в разные местности Северной Маньчжурии. Большую помощь по созданию музея и в организации работы в секциях оказывали видные учёные и исследователи Э.Э. Энерт, Т.В. Бутов, Б.М. Велимирович, М.К. Гордеев, Е.В. Даниэль, Г.Н. Дикий, П.А. Павлов, Д.П. Пантелеев, В.В. Поносов, Ф.М. Розов, Б.В. Скворцов, В.Я. Толмачёв, А.П. Хионин, П.В. Шкуркин, Б.П. Яковлев и многие другие¹⁴.

Среди русских зоологов в Маньчжурии наиболее известными были П.А. Павлов (автор более 10 научных работ), М.А. Фирсов¹⁵ и А.С. Лукашин. Они работали в Харбинском музее Общества изучения Маньчжурского края, которым много лет заведовал А.С. Лукашин. После его закрытия в 1928 г. китайские власти в Харбине основали Клуб естествознания и географии, который просуществовал до 1946 г. Важно также назвать энтомолога и нумизмата В.Н. Алина, оставившего заметный след в науке. Клуб естествознания и географии в 1941 г. издал научный сборник в честь председателя клуба профессора Э.Э. Анерта, крупного русского геолога, прожившего на Дальнем Востоке более 50 лет и издавшего многочисленные труды, посвященные изучению Маньчжурии. С большим интересом как русские, так и китайские специалисты встретили в 1945 г. выпуск очередного «Ежегодника».

Из ботаников можно назвать А.Д. Воейкова¹⁶, Б.В. Скворцова, И.С. Яшкина, создавших в Маньчжурии огромный питомник культурных растений. И.С. Яшкин первым ввёл в этом крае культуру помидоров, ставшую потом одной из главных статей дохода местного огородничества. Учёный ботаник Б.В. Скворцов, создавший Биологическую комиссию 19 августа 1937 г., опубликовал более 500 статей, среди них работа по изучению дикой и культурной сои, основного продукта питания китайцев, заменявшего им животные белки. Активными ботаниками и членами биологической комиссии были Б.В. Скворцов (председатель), А.И. Баранов (секретарь), В.Н. Алин, Т.П. Гордеев, А.А. Костин, В.И. Кузьмин, И.А. Мухин, В.С. Стариков, Л.М. Яковлев. Комиссия выпустила сборник, посвященный описанию новых видов растений Северной Маньчжурии, составленный на латинском языке А.И. Барановым и Б.В. Скворцовым¹⁷.

Огромен вклад русских ученых-эмигрантов в развитие археологической науки в Китае. Если до начала 30-х гг. археологические исследования носили случайный характер и проводились лицами, посещавшими различные районы Китая с кратковременным заданием, то с открытием в 1928 г. исторического музея (ОИМК) и созданием при нем отдела во главе с В.В. Поносовым началось систематическое изучение исторических памятников этой страны. Археологи провели сотни раскопок, которые дали уникальные находки. До 1945 г. В.В. Поносов опубликовал на русском и английском языках более 30 работ по результатам ежегодных экспедиций в Маньчжурию и Восточную Монголию. В целях расширения проблематики исследований еще в 30-х гг. он привлек к работе начинающих востоковедов. Они и стали ядром будущей «Национальной организации русских исследователей им. Н.М. Пржевальского», давшей музею всемирное признание выставками и публикациями научных работ русских археологов, историков и этнографов. Если в первое время район их исследования был небольшим, то по мере овладения азиатскими языками они перенесли свои изыскания в соседнюю Монголию, а некоторые совершали экспедиции в малоисследованные места Центральной Азии. Много добрых слов можно сказать о выпускнике археологического факультета В.В. Сахарове, который прожил 40 лет в Синьцзяне (Турфане) и все годы занимался изучением иранской и уйгурской письменности. К сожалению, его труды погибли в Китае в 1945 г.¹⁸

В.В. Поносов был известен и как крупный этнограф, много лет изучавший орочей и даур, а также районы расселения этих народов. Выполняя план в историческом и этнографическом направлении секция в 1926 г. привлекала к работе новых, интересных сотрудников. Так, А.М. Баранов, П.В. Шкуркин выступили на курсах китайского языка с докладами «О задачах и методах исследования края в этнографическом и историческом отношении». Курсантам раздавали специальные инструкции для сбора сведений применительно к этнографическим условиям тех районов, куда они выезжали. Сотрудник секции М.С. Тюнин в районе г. Хайлара обследовал развалины древнего городища, где снял общий план его и сфотографировал уцелевшие валы. Кроме этого, им были доставлены в музей образцы строительного материала, взятые из разрезов стен. К сожалению, экспедиция в составе членов секции П.В. Шкуркина, Д.П. Пантелеева и А.И. Полумордвинова, отправившаяся на обследование развалин городища близ местечка Чэн, вынуждена была вскоре возвратиться в Харбин, не закончив начатой работы, так как ее обстреляли хунхузы. В то же время член секции В.Я. Толмачёв повторно побывал на развалинах г. Бай-чэна, где исследовал материал, из которого были построены здания и стены города.

Результаты были описаны в статье «Бай-чэн», напечатанной в журнале «Вестник Маньчжурии» за 1926 г. Этнографический отдел пополнился 2000 новых экспонатов. В 1925 г. в отделе музея изготовили манекены, изображавшие типы представителей различных народностей, населявших Северную Маньчжурию. Два манекена — маньчжур-мандарин и маньчжур-воин — были помещены в особом павильоне. Активную научно-исследовательскую работу вели М.И. Лавров и В.В. Поносов и китайские сотрудники Цянь Цифу и Нань Вэньбин. Сотрудники Е.В. Даниель, Е.Х. Нилус, К.А. Скороходин и другие продолжали вести учёт всех культурных учреждений Северной Маньчжурии. Работа по исследованию истории школьного дела к 1926 г. была завершена. М.С. Тюнин подготовил статью «Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и европейских языках до 1 января 1926 г.»¹⁹

Из историков известен А.Г. Малявкин, который перевел с китайского языка историю чжурчжэней. Преподаватели вузов печатались в сборниках, чаще других — юристы Г.К. Гинс, В.А. Рязановский и Н.В. Устрялов и другие.

В 1928 г. власти потребовали, чтобы председатель и несколько членов Общества изучения Маньчжурского края были китайской национальности, позже последовал приказ Главнокомандующего Особого района восточных провинций о подчинении «Общества» Департаменту народного просвещения. После упразднения ОИМК власти пытались создать китайское научное общество полуказённого, получастного характера. Однако полное отсутствие в крае научных работников китайской национальности заставило китайских властей пригласить на службу в музей русских сотрудников, после чего в 1931 г. музей был причислен к Департаменту народного просвещения как один из его отделов.

В 1928—1945 гг. состоялось две экспедиции: первая в 1931 г. в район озера Цзинь-бо-ху, вторая — в 1937 г. в район 12 вулканов. В экспедициях принимали участие и русские сотрудники музея. Ботанический участок за этот период практически перестал существовать, зарос травой, а позднее был превращён в огороды. Музей почти не пополнялся (кроме отделения археологии исторического отдела). После капитуляции Японии он снова перешёл к русским специалистам. Директором был назначен В.И. Кузьмин, член биологической комиссии.

С 1924 по 1934 г. тарифно-показательный музей КВЖД в Харбине собрал 12 000 образцов малоизвестных товаров на русском, китайском, японском, английском и латинском языках и сведения об их происхождении и назначении. За этот период было сделано около 15 тыс. определений грузов для тарифно-распорядительной части и других отделов и служб КВЖД. Отсутствие каких-либо возражений и замечаний со стороны клиентов свидетельствовало о полном доверии музею. Исключением было единственное судебное дело, в котором клиент дороги ради снижения провозной платы вопреки определению музея пытался доказать, что он вез якобы свиную шерсть. Однако, как известно, волосяной покров свиней состоит из щетины и подшерстка, а не из шерсти²⁰.

В результате разносторонней научной работы в рассматриваемый период биологическая комиссия стала научной организацией, внесшей значительный вклад в изучение Маньчжурии. Русские специалисты-исследователи нашли достойное применение своим знаниям и силам. Они не только не потеряли профессиональных навыков, но своей подвижнической научно-исследовательской работой помогали китайскому народу, приютившему и давшему им кров и пищу, лучше видеть богатства природного и животного мира, эффективно использовать их для блага людей.

Так, благодаря усилиям русских эмигрантов — учёных и специалистов — за короткое время была всесторонне исследована большая территория Маньчжурии. Всех посетителей музея поражало обилие уникальных экспонатов — прежде всего прекрасные археологические находки, предметы геологических изысканий, разнообразный животный и растительный мир. Во время совместных экспедиций русских и китайских учёных возникало чувство взаимной симпатии и доверия. Они служили науке, благотворные результаты которой были на пользу как русскому, так и китайскому народам.

В заключение можно еще раз подчеркнуть активную и плодотворную образовательную и научно-исследовательскую деятельность русских эмигрантов в Китае. Даже в трудных условиях чужой страны они сохраняли жизнестойкость и продолжали заниматься любимым делом. И очень жаль, что их труд и талант служили не родной стране, а способствовали развитию экономики и культуры страны проживания.

¹ Русские в Китае. М., 1998. № 12.

² Белая армия. Белое дело // Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. С. 105—125.

³ Родина: Российский исторический журнал. 1995. № 2. С. 27—28.

⁴ Мелихов Г.В. Российские эмигранты в Китае. М., 1997.

⁵ Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1998. С. 174—172.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 2422, оп. 1, д. 148, л. 2, 59—62.

⁷ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия // История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920—1970. Кн. 2. Париж, 1973. С. 59—60.

⁸ Вопросы школьной жизни // Харбин, 1925. № 2. С. 103.

⁹ Русский голос // Харбин, 1920. 25 сент.

¹⁰ Вопросы школьной жизни // Харбин, 1925. № 3. С. 1—2, 123—124.

¹¹ Путь Христов // Харбин, 1929. № 2. С. 8; № 1. С. 95—98.

¹² Известия Харбинского краеведческого музея // Харбин, 1946. № 1. С. 54—55.

¹³ Вопросы школьной жизни // Харбин, 1925. № 1. С. 99.

¹⁴ Известия Харбинского краеведческого музея // Харбин, 1946. № 1. С. 56.

¹⁵ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Владивосток, 2000. С. 320, 31; Фирсов Михаил Аркадьевич—натуралист и таксидермист занимался биологией животных, орнитологией и сельскохозяйственным районированием с 1896 до 1922 г. на о-ве Русском, на о-ве Попова и во Владивостоке. С 1924 по 1931 г. — директор музея во Владивостоке. (ГАПК. Ф. 117, оп. 5, д. 165); Анерт Эдуард Эдуардович (1866—1946) — геолог, окончил Горный институт (1889), прожил на Дальнем Востоке более 50 лет, в 1924 г. уехал в Харбин, где проживал до 1946 г. Автор многих работ.

¹⁶ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция... С. 76; Воейков Александр Дмитриевич—агроном, агроботаник, жил во Владивостоке с 1919 г., в 1921—1922-м работал доцентом на кафедре агрономии и сельского хозяйства Дальневосточного государственного университета. С 1922 по 1929 г. — заведующий опытным полем КВЖД на ст. Эхо.

¹⁷ Известия Харбинского краевого музея // Харбин, 1945. № 1. С. 57—60.

¹⁸ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... Кн. 2. Париж, 1973. С. 95—98.

¹⁹ Отчёт о деятельности «Общества изучения Маньчжурского края» за 1926 г. (4-й год существования) // Харбин: Тип. «Полиграф», 1927. С. 8—9.

²⁰ Толмачёв В.Я. Деятельность тарифно-показательного музея Китайской Восточной жел. дор. в Харбине за десятилетие. 1924—1934 гг. Харбин, 1935. С. 3—7.

SUMMARY. The author of the article “Educational and scientific activity of the Russian emigre in China (the 20s — 40s of the 20th c.)”, Liudmila Goverdovskaya in her article depicts fruitful activity of the Russian intelligentsia in China during the emigration period including their active work in the sphere of education and science.